

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СИЩАДОНСКИЕ ЭЛЬФЫ

Холодно было в ту ночь на дороге, что огибала лесистый холм Олдерли — или, как называют его местные жители, Кряж. Высоко во мгле шумели деревья. Запоздалым путникам приходилось прятать лица в воротники от резкого ветра с Пеннинских гор. И хорошо, что они ничего не видели, ибо то, что происходило в этот час на склоне Кряжа, отнюдь не предназначалось для людских глаз.

Сноп голубого света вырвался из скалы, похожей на острый зуб. В скале распахнулись железные ворота и открылся освещенный проход. По стволам и кронам деревьев заплясали тени, и в глубь холма потянулась необычная процессия.

Ростом они были не выше четырех футов — с восьмилетнего ребенка, — но широкогрудые, узкие в талии, с длинными, стройными ногами и руками. Все — в коротких подпоясанных туниках без

рукавов и босиком. У некоторых за спиной белели плащи из орлиных перьев. На плече у каждого висел тугой, круто изогнутый лук, а на поясе — колчан с белыми стрелами и широкий меч, заостренный как кинжал. Все они ехали верхом на маленьких белых лошадках, кто-то — гордо выпрямившись, но большинство — устало склонясь на луку седла. Несколько всадников бессильно припали к лошадиным холкам; поводья за них держали другие. Всего же их было около пятисот.

У ворот их встречал седовласый старец, высокий и тонкий, как молодая береза. Его белая сутана, длинные волосы и борода развевались на ветру, а в руке он держал белый посох.

Когда последний всадник скрылся внутри, старик повернулся и зашагал следом. Сомкнулись железные створки, закрылся вход — и остался лишь голый валун на холодном ветру.

Так под покровом ненастной ночи эльфы из Синадбона вступили в Хранилище, последний оплот Высокой Магии, где принял их Каделлин Сребровласый, великий чародей и властитель древних тайн.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КОЛОДЕЦ

— Ого, — воскликнул Гаутер Моссок, — вот так штука!

— Что за штука? — заинтересовался Колин.

— Да вот, в новостях.

Колин и Сьюзен склонились над газетой. Палец Гаутера упирался в заголовок посреди страницы.

ТАИНСТВЕННАЯ НАХОДКА

Во время земляных работ у гостиницы «Трафффорд Армз» был обнаружен подземный колодец глубиной в тридцать футов. находка послужила поводом для самых различных предположений.

Раскапывая засорившийся водосток, рабочие фирмы «Мэсси и сыновья» случайно сдвинули каменную плиту, под которой оказалась шахта неизвестного назначения. При

помощи веревки с грузом удалось определить, что шахта на пятнадцать футов заполнена водой, общая же глубина ее составляет тридцать футов. Обнаруженный колодец никак не сообщается с водостоком, имеет площадь поперечного сечения около шести квадратных футов по приблизительным подсчетам, так как крышку снять пока не удалось, и выложен изнутри каменными плитами.

Существует мнение, что именно из этого колодца поступала вода в колонку с насосом, находившуюся прежде у входа в гостиницу.

Не исключено и другое. Загадочный колодец мог служить вентиляционной шахтой и каким-то образом соединяться со старым рудником, некогда простиравшимся почти до самого Олдерли.

— А штука-то в том, — добавил Гаутер, когда ребята дочитали заметку, — что у нас всегда поговаривали, будто из гостиничных погребов есть подземный ход до самого рудника. А ну как это правда?

— А тебе не все равно? — проворчала Бесс Мосок. — Яма как яма, только мокрая. Тоже мне находка.

— Да где ж твое любопытство? — рассмеялся Гаутер.

— Какое там любопытство! — отмахнулась Бесс. — В моем-то возрасте да с моей толщиной соваться во всякие дырки? И без того забот хватает. Давайте-ка поторапливайтесь: у меня еще ничего не куплено, да и вы с делами не покончили.

— А можно нам сперва поглядеть на ту яму? — спросила Сьюзен.

— Вот и я говорю, — подхватил Гаутер. — Это ж прямо за углом, две минуты ходу.

— Ладно уж, без вас управлюсь, — сказала Бесс. — Ступайте полюбуйтесь, только не торчите там до вечера.

Они вышли из магазина уцененных товаров на главную улицу поселка. Среди припаркованных здесь машин зеленая повозка Моссоков и запряженный в нее белый конек Принц выглядели странно — словно лет на тридцать отстали от времени, точно так же, как и сами хозяева: Бесс в широком пальто и круглой шляпке, пришпиленной к волосам, Гаутер в бриджах и старомодном жилете. Так им было удобно и привычно. Раз в неделю они спускались за покупками в деревню Олдерли и привозили на продажу овощи, яйца и домашнюю птицу со своей фермы на южном склоне Кряжа. Когда Колин и Сьюзен только приехали к Моссокам, все в усадьбе Верхний Редманхей было им в диковинку. Но они быстро привыкли.

Ведя в поводу Принца, Гаутер и ребята подошли к гостинице «Траффорд Армз». Деревянный оштукатуренный дом был выстроен «под готику», в духе викторианских представлений о красоте.

Вдоль фасада, вплотную к зданию, была вырыта канава глубиной в три фута. Гаутер встал на горку свежей земли и заглянул вниз:

— Ага! Вон она, крышка.

Колин и Сьюзен подошли поближе.

Из стенки канавы у самого дна углом торчала толстая каменная плита. Краешек ее откололся, образуя отверстие шириной в ладонь. Только и всего!

Сьюзен подобрала камешек и бросила его в дыру. «Плюх!» — послышалось секунду спустя.

— Пока ничего нового, — заметил Гаутер. — Там хоть что-нибудь видно?

Сьюзен уже спрыгнула в канаву и пыталась заглянуть в отверстие.

— Стены круглые... еще какая-то труба торчит... а больше ничего не видать!

— Должно быть, обычный колодец, — вздохнул Гаутер. — А жаль: мне всегда казалось, будто в старых рассказах что-то есть...

Они вернулись к повозке и, как только Бесс закончила с покупками, отправились развозить свой товар по знакомым адресам. Домой собрались уже в сумерках.

— Ну что? — спросил Гаутер. — Опять потащитесь одни через лес?

— Да, если можно, — быстро сказал Колин.

— По мне, так это пустая затея. Но раз уж вам неймется, так и быть, ступайте. Только нигде не задерживайтесь: через час уже стемнеет, а ночью-то с нашим лесом шутки плохи — того и гляди провалитесь в старую шахту!

Колин и Сьюзен шагали по дороге, огибавшей подножие Кряжа. Так повторялось каждую пятницу: Гаутер и Бесс ехали домой в повозке, а они упорно возвращались пешком. И всё свободное время проводили в лесу: бродили и искали, искали...

За оградами вдоль дороги уютно шелестели сады. Через четверть мили показались поля, деревня осталась позади. Справа навис над тропой северный,

почти отвесный склон холма: понизу — темный буковый лес, у самого гребня — сосны и скалы.

Они свернули с тропы и стали карабкаться по склону, все глубже в лес. Сьюзен первая нарушила молчание.

— Ну а все-таки — в чем тут дело? Почему мы никак не найдем Каделлина?

— Опять двадцать пять! — скривился Колин. — Мы ведь так и не научились открывать железные ворота — тот, другой вход, что возле Холивелла. Как тут его найдешь?

— Да, но почему он нам больше не показывается? Раньше-то ладно, раньше он сам запретил нам приходить, потому что здесь было опасно. А теперь-то чего бояться? Морриганы и след простыл...

— В том-то и дело. Может, простыл, а может, и нет.

— Да ты что! Говорил же Гаутер: ее дом стоит пустой, вся деревня только об этом и судачит.

— А вдруг она жива? Домой ей все равно путь заказан. Я вот что думаю: это из-за нее Каделлин нас тогда прогнал, потому что она была где-то рядом. И теперь, наверно, то же самое. Или мы ему просто надоели, или он опять за нас испугался.

Они уже дошли до Холивелла — «святого источника». Здесь, в ложбине, у подножия крутого утеса, кто-то вырубил узкое каменное корытце, в которое струйкой стекала вода. Рядом была небольшая полукруглая выемка, а над ней — трещина в скале. Там, внутри — ребята знали! — прятались железные ворота: «другой вход» в Хранилище. И опять, как и в прошлый раз, на их зов никто не ответил.

Про то, как Сьюзен и Колин впервые попали в мир волшебства, такой же близкий нам и неведомый, как собственная тень, рассказывается в другой книге. Тогда они подружились с Каделлином Сребровласым, и теперь чувствовали себя обиженными и покинутыми — без всякой причины и даже без предупреждения. Лучше бы им вовек не прикасаться к древним чарам! Невыносимо было любоваться красотой леса и знать, что тайны его для них отныне закрыты, что валун, скрывающий главные ворота, теперь всего лишь валун, а Холивеллский утес — обычная скала. Неужели это навсегда?

— Ладно, пошли, — сказал Колин, — чего зря глазеть, все равно не откроют. А домой надо поспеть до темноты, не то Бесс опять расшумится.

Они вскарабкались на гребень холма. В подступающих сумерках ветки казались черными, трава под ногами подернулась мглой, в песчаных ямах и каменных провалах заброшенных шахт стужился мрак. И где-то шумел ветер, хотя деревья не шевелились.

— А все-таки Каделлин предупредил бы нас, если б...

— погоди! — перебил ее Колин. — Вон там, внизу, — как по-твоему, что это?

Они как раз огибали старую каменоломню. Там уже много лет никто не работал и дно поросло травой, как в обычном овраге, только стены оставались голыми. Был в этом месте какой-то пещерный, первобытный уют и мрачноватый покой. Сейчас там быстро темнело.

— Где? — переспросила Сьюзен.

— На той стороне оврага. Видишь дерево? Чуть левой.

— Я ничего не...

— Вон, вон опять! Да что же это такое?

Заброшенный карьер наливался тьмой, и кусочек этой тьмы — густо-черный, чернее мрака — двигался в пустоте, как живая клякса. Она проползла по дну оврага, то сжимаясь, то расплываясь, и заскользила по каменной стене. Где-то посередке «кляксы» горели два багровых огонька. Она бесшумно выползла наверх и скрылась в зарослях папоротника.

— Видела? — прошептал Колин..

— Да... если только нам не померещилось. Может, это свет так падает.

— Ты уверена?

— Нет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АГЛЕЦДОР

Теперь они почти бежали. Что-то было не так — они это чувствовали — то ли в воздухе, то ли в них самих. Знакомый лес вдруг показался им не то чтобы враждебным, но каким-то чужим. И хотелось поскорей выбраться на открытое место, потому что обманчивый свет — а может, и собственный страх — норовил сыграть с ними злую шутку. Им все время чудилось какое-то движение среди древесных крон: что-то смутно белело там, ускользая от взгляда.

— Как ты думаешь, — повернулась к брату Сьюзен, — в том овраге... было там что-нибудь?

— Не знаю. Да и что там могло быть? Это, наверное, свет так падал, правда?

Сьюзен не успела ответить. Что-то просвистело в воздухе — и они отпрянули друг от друга: между ними, вонзившись в песчаную дорожку, дрожала маленькая белая стрела. Ребята молча уставились

на нее, и тут откуда-то сверху послышался ровный голос:

— Замрите, и пусть не шевельнется в вас ни единая жилка, ни кость и ни волос, не то пригвоздят вас к земле мои дубовые дроты!

Ребята дружно задрали головы. Прямо перед ними сгорбилась над тропой старая береза. А среди ее ветвей стоял, как на мостике, маленький хрупкий человечек ростом с восьмилетнего ребенка, одетый в белую тунику. Кожа у него была бронзовая от загара, короткие вьющиеся волосы — как языки серебристого пламени, а глаза... глаза были козы. Они не отражали свет, но светились сами по себе, хотя вокруг не было ни огонька. В руке он держал тугой, круто изогнутый лук.

На миг ребята онемели от изумления. Первым опомнился Колин.

— Вы в своем уме? — закричал он сердито. — Вы же в нас чуть не попали!

— О великая богиня! О священный Луноцвет! Он не боится говорить с эльфами?

Это был совсем другой голос, густой и насмешливый. Дети вздрогнули и обернулись. На тропе позади них стоял еще один человечек, такой же невеличка, но плотный и коренастый. Его рыжие волосы отливали медным блеском, а лицо... В жизни они не видали таких уродливых лиц! Губы толстые, зубы редкие, нос картошкой, борода клочьями, а кожа бугристая и бурая, как зимняя куманика. На левом глазу чернела повязка, зато правый был живехонек и глядел весело и зорко. Перед ними несомненно стоял гном. Он шагнул вперед и хлопнул Колина по плечу — так, что тот пошатнулся.